

УДК 811. 531
ББК 81. 2

М.В. Багинская

ИНТЕНЦИЯ В ВЫБОРЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО: ИЗ ОПЫТА НАБЛЮДЕНИЯ НАД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИЕЙ

Статья посвящена некоторым проблемам выбора имени собственного в корейском и европейских языках. Проблема выбора или интенция при выборе имени собственного связаны со специфическими особенностями восточной и западной культур. В свою очередь, имена собственные, интенция при выборе которых меняется от культуры к культуре, предполагают различия формального и смыслового характера.

Ключевые слова: имена собственные; интенция выбора имен собственных; формальные и смысловые различия.

M.V. Baginskaya

THE INTENTION OF THE SELECTION OF PROPER NAMES: FROM THE EXPERIENCE OF OBSERVATION ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

This article is dedicated to problems of selection of proper names in the Korean and some European languages. The intention of selection of proper names varies from culture to culture. Therefore proper names contain and reflect certain formal and semantic differences.

Key words: proper names; intention of selection of proper names; formal and semantic differences.

Предмет рассмотрения в данной статье – процесс выбора имени в условиях культурных различий и, соответственно, различий в сознании участников номинативного процесса. Целесообразно начать рассмотрение имен собственных со стороны их структурных и исторических характеристик.

Корейское имя собственное состоит обычно из трех слогов: первый слог – фамилия, два последующих – собственно имя. В редких случаях фамилия может состоять из двух слогов, а имя из одного. Может показаться необычным, что компоненты определяются как слоги, а не слова. Ошибки в этом нет – корейское имя действительно состоит из слогов – чтений китайских иероглифов. Исторически сложилось так, что Корея долгое время находилась под влиянием более мощного соседа – Китая, и первая письменность, появившаяся на корейском полуострове, была китайского происхождения. Отсюда и имена – с корейским прочтением китайских иероглифов.

На сегодняшний день в Корее насчитывается около 5000 иероглифов, и теоретически любая комбинация из них может служить именем человека. Даже при приблизитель-

ном подсчете становится понятным, что количество имен, образованных таким способом, весьма велико, если не сказать огромно. Таким образом, в отличие от культур западных, имеющих дело с более или менее ограниченным числом имен собственных, корейская культура, казалось бы, предполагает открытый список имен.

Однако существуют некоторые правила выбора двух конкретных иероглифов (слогов). В первую очередь выбор этот зависит от гендерного фактора. Нельзя утверждать, что для женских имен используются одни конкретные иероглифы, а для мужских – другие. Тем не менее некоторую закономерность все-таки можно проследить. Так, можно выделить некоторые наиболее часто встречающиеся в женских и мужских именах слоги.

Таблица 1
Некоторые слоги, характерные для мужских и женских собственных имен в корейском языке

Мужские имена		Женские имена	
слог	значение	слог	значение
철	железо	미	красота
승	победа	숙	чистота
치	правитель	향	аромат
걸	выдающийся	연	лотос

Таким образом, имеют место некоторые ограничения семантического характера, ибо, как видно, выбор того или иного иероглифа обусловлен его значением, которое, в свою очередь, соотносится с некими характеристиками, присущими либо мужчине, либо женщине. Однако эти ограничения не предполагают того, что имя может быть соотнесено с индивидом определенной гендерной принад-

лежности. Если приведенные русские имена собственные не имеют гендерных маркеров лишь в сокращенных, ласкательных своих формах и определить их принадлежность можно только по контексту, то корейские собственные имена на таких маркерах вовсе не обнаруживают. Надо заметить, однако, что и сокращенных форм у корейских имен также нет (табл. 2).

Если приведенные русские имена собственные не имеют гендерных маркеров лишь в сокращенных, ласкательных своих формах и определить их принадлежность можно только по контексту, то корейские собственные имена на таких маркерах вовсе не обнаруживают. Надо заметить, однако, что и сокращенных форм у корейских имен также нет (табл. 2).

Таблица 2

Гендерные маркеры в полных и кратких формах корейских и русских имен собственных

Русские имена			Корейские имена		
мужские (полная форма)	женские (полная форма)	краткая форма	мужские (полная форма)	женские (полная форма)	краткая форма
Евгений	Евгения	Женя	승희	송희	-
Валентин	Валентина	Валя	창동	동아	-
Александр	Александра	Саша	순만	순량	-
Юлий	Юлия	Юля	경구	민경	-

лежности. Если, например, в русском языке имена собственные имеют гендерные маркеры в своих полных формах и только некоторые из них могут утрачивать их в фамильярных разновидностях, то корейские имена собственные такими признаками не обладают.

Конечно, зная значение наиболее типичных слогов, входящих в состав корейского имени, можно предположить его гендерную принадлежность. Однако нередки случаи, когда такая возможность отсутствует. Так, например, имена 승희, 송희, 순량, 지혜 имеют в своем составе слоги, которые могут характеризовать и мужчину, и женщину, и, следовательно, нельзя с уверенностью сказать, мужское это имя или женское. Слог 희 может означать радость или процветание,

Причина подобных различий лежит в области не столько языковой, сколько культурно-исторической. Язык является лишь средством онтологизации этих различий. Отсутствие воспроизводимых собственных имен в корейском языке и невозможность определения их гендерной принадлежности объясняются тем способом выбора имен, который сложился культурно и исторически. Аналогично особенности и признаки имен собственных в западных языках могут быть объяснены условиями культуры. Однако целесообразно предположить, что и выбор имени также обусловлен культурой и менталитетом ее носителей.

Каковы условия культуры, влияющие на процесс выбора имени? Чем руководствуются представители различных культур при вы-

боре имен? Иначе говоря, какова интенция выбора того или иного имени собственного?

В широком и наиболее общем смысле под интенцией понимается намерение. У Э. Гуссерля это понятие тесно связано с интенциональностью. Он пишет: «...интенциональность – это способность разума иметь интенцию», т.е. намерение [Ландгребе, 2002 : 3]. У него же находим такое высказывание: «...смысл – это интенция разума» [Ландгребе, 2002 : 5]. Следовательно, интенция выбора имени – это цель, согласно которой выбирается то или иное имя, но вместе с тем это и работа мышления, познание формы и смысла имени как объекта, который имеет определенные смысл и значение. Сознание никогда не существует в субъективном вакууме, а всегда является осознанием чего-то. Сознание не только не может быть отделено от мира своих объектов – более того, на самом деле оно конституирует мир [Филиппович, 1997 : 28]. Коль скоро мы рассматриваем процесс выбора имени как процесс сознательный, можно утверждать, что результат этого процесса – имя – продукт работы сознания, реализующего определенные интенции.

Действительно, присваивая имя, человек стремится к конкретным целям: выделить другого из множества подобных, индивидуализировать его, но сделать это сообразно своим эстетическим представлениям и существующим условиям культуры. Так, присвоение, например, женского имени в корейской культуре будет основываться прежде всего на выборе слогов, характеризующих положительные женские качества – красоту – 미 , добродетель – 선 , почтительность – 효 , или же слогов, указывающих на сходство с чем-то изящным, прекрасным, приятным – лотос – 연 , весна – 춘 , цветок – 화 .

Таким образом, можно утверждать, что имя в корейской культуре присваивается в соответствии с теми качествами, которыми якобы обладает или должен обладать объект номинации. Корейская традиция именования ориентирована на передачу ключевых признаков, что сближает корейские имена с дескрипциями. Понятно, что количество признаков, связанных с тем или иным понятием, а также их возможные комбинации подсчитать весьма затруднительно – отсюда и нелимитированное число имен в корейском языке. Кроме то-

го, признак сам по себе не несет указания на гендерную принадлежность, следовательно, иероглиф, имеющий значением ту или иную характеристику, может быть использован как в мужском, так и в женском имени. Разумеется, это не касается тех случаев, когда признаки и качества, отраженные в значении иероглифа, зафиксированы либо за мужскими, либо за женскими именами согласно культурной традиции.

Однако в основе выбора имени может лежать не только признак. Рассмотрим такие корейские женские имена, как 후남 и 딸막이 . Буквальное значение их – «следующим будет мальчик» и «хватит дочерей». В основу таких имен положена ситуация, вернее свернутое описание ситуации, – отсутствие сыновей. Таким образом, вкладывая в имя такой ситуативный код, человек, говоря словами Э. Гуссерля, «конституирует окружающий его мир», описывает важные для него события. Сознание его направлено на то, чтобы дать название окружающей действительности, может быть, даже закрепить ее в памяти с помощью имени потомка. Но одновременно в семантической составляющей имени содержится прямая отсылка к культурно-этническим и социально-историческим фактам, и даже непосвященному понятно, насколько предпочтительнее было в семье рождение сына по сравнению с рождением дочери.

Рассматривая вопрос интенции выбора имени, мы чаще всего предполагаем некоего носителя этой интенции, обладателя интендирующего сознания. Не раз высказывалось утверждение о том, что человек-носитель интендирующего сознания действует не только в соответствии со своими представлениями о красоте и благозвучности имени, но еще и в соответствии с нормами и стандартами культуры. В связи с этим встает вопрос о том, всегда ли имя собственное является продуктом интенциональности человека. Следовательно, процесс именования призван не только индивидуализировать человека, присвоить ему некие качества, но и ввести его в соответствующие область и время культуры. Подтверждением этому может служить тот факт, что с течением времени, с изменением некоторых норм и ценностей меняются и имена.

Так, в настоящее время в Корее наметилась тенденция давать ребенку имя, состоящее не

из иероглифических, а исконно корейских элементов – 날개 – крыло, 아름 – красота, 사랑 – любовь, 바람 – ветер, 바다 – море, 하늘 – небо. Возможно, это связано со стремлением вернуться к истокам культуры и языка, с модой на все аутентичное, но вне зависимости от причин ясно прослеживается характерная особенность в определенный момент времени. Некоторые особенности процесса именования можно увидеть в именах времен колонизации Кореи Японией. Тогда, например, девочек принято было называть по аналогии с японскими именами, то есть в имени обязательно должен был присутствовать слог 차, который соответствовал японскому иероглифу 子 (ребенок), наиболее часто встречавшемуся в японских женских именах – Мичико, Наоко и т.д.

Западные (или христианские культуры) обладают собственным набором правил и норм, на которые и опираются при выборе имени носители этих культур. Не все из этих правил соответствуют тем, которые существуют в корейской культуре, так же как и собственные имена в западных культурах имеют свои, только им присущие характеристики и особенности.

В Библейской традиции культуры Средиземноморья, к которой восходит христианство, вопрос имени человека всегда был очень важен. Имена героев веры – Авраама, Исаака и Иакова – многократно повторялись в поколениях, сначала у ветхозаветных иудеев, а потом и у христиан. Наиболее распространенной традицией всегда был обычай давать имя ребенку в честь почитаемого семьей святого. Эта практика основана на том, что верующие люди осуществляют личный молитвенный контакт с тем или иным святым. Если это так, то обычно в семье предшествующих поколений уже есть люди, носящие имена почитаемого святого. Наблюдается традиция преемственности, которая у посторонних может создать иллюзию только родового уважения – например, наименование детей в честь дедушек, бабушек, матерей, отцов и т.д. Для человека малорелигиозного дело обстоит именно таким образом. Более того, это главный мотив в нерелигиозных семьях. Однако первоначально основная причина была именно в почитании конкретного святого целыми поколениями. Несмотря на разные предпосылки вы-

бора способа именования в религиозных и нерелигиозных семьях, можно утверждать, что в основе его лежит принцип родовой доминанты. Иными словами, стремление человека сохранить в имени (или с его помощью) родовую принадлежность, преемственность имеет ключевое значение.

Таким образом, христианской традиции именования свойственна ориентированность на прецедентное имя. Эта ориентированность прослеживается и в выборе по имени почитаемого в семье святого, и в традиционном выборе имени по святым.

Однако подобная ориентированность прослеживается и в именах дохристианской эпохи. Тогда имя могло быть дано в честь умершего предка, оно связывало ребенка с историей рода и передавало эту связь в будущее. Особенно важным был правильный выбор имени для наследников престола. Так, например, в средневековой Скандинавии даже после принятия христианства законных сыновей и наследников принято было называть языческими именами, в отличие от побочных детей, при именовании которых правила были не столь жесткими. В одно и то же время бастард мог быть назван Христоффом (иноязычное христианское имя), тогда как законный наследник – только языческим именем, например, Кнут, и обязательно в честь деда, прадеда или другого предка по мужской линии [Топорова, 1996 : 92]. Здесь можно говорить о феноменологически прецедентном имени, когда рамки культуры этого прецедента сужены до одной семьи. Принцип прецедентности, однако, не становится от этого менее ярко выраженным. Именно этот принцип может являться причиной ограниченности, лимитированности списка собственных имен в западных культурах и возможности соотнести их с определенной гендерной принадлежностью.

Нельзя сказать, что в настоящее время принцип имянаречения в западных культурах кардинально изменился. Чаще всего имя выбирается из более или менее регламентированного списка, исходя из соображений благозвучности в сочетании с фамилией, в зависимости от степени воцерковления и т.д., но мало кто задумывается о смысле имени. Более того, специфика имени собственного в западной культуре чаще всего не предполагает

указания на изначально присущую ему смысловую нагрузку.

Так, например, русские христианские имена в большинстве своем имеют греческое, иногда латинское происхождение, следовательно, внутренняя форма имени будет представлять собой перевод с этих языков [Суперанская, 2007 : 123]. Но не всегда имя переводится, иногда его сложно перевести. Внешняя же форма слова не дает никаких отсылок к своему смысловому содержанию. Для русского человека имя Виктор не всегда ассоциируется с победой, Софья – с мудростью, Денис – с древнегреческим богом Дионисом (кстати, типичный пример прецедентного имени), Андрей – с мужеством и храбростью, Петр – с камнем, Екатерина – с надеждой, Зоя – с жизнью и т.д. Исключения из этого списка, пожалуй, могут составить только имена Вера, Надежда, Любовь. У греков таких имен не было. Тем не менее в греческих преданиях существовали символические фигуры Вера (Пистис), Надежда (Элпис) и Любовь (Агапе), но они не давались людям в качестве имен. Очевидно, при составлении русского церковного именослова названия этих символических фигур послужили основой для создания имен Вера, Надежда, Любовь из словесного материала русского языка [Суперанская, 2008 : 198]. Но нельзя с уверенностью утверждать, что сегодня эти имена присваиваются потому, что человек осознает их внутреннюю форму. Эти имена – скорее стертые метафоры, из-за частого употребления потерявшие свою образность.

Иными словами, интенция выбора имени в западной культуре такова, что процесс именования связан лишь с наделением именем определенного объекта, но он не предполагает передачу свойств и признаков, содержащихся во внутренней форме.

Несмотря на существенные отличия процесса выбора имени собственного в западных культурах от аналогичного процесса в культуре корейской, некоторые сходства все же можно обнаружить. Так, наравне с корейской культурой, западные культуры при выборе имен в немалой степени опираются на соответствующие нормы, ценности и стандарты. Западно-европейские имена также немало подвержены изменениям, вызванным культурными сдвигами в определенный момент времени. В 60-е

годы XX в. в СССР чрезвычайно популярным было женское имя Валентина – так звали первую женщину-космонавта. Чуть раньше весьма популярным было имя Татьяна – в честь актрисы Татьяны Самойловой, сыгравшей главную роль в известном фильме «Летят журавли». 30-е же годы охарактеризовались большим вниманием к проблеме чернокожего населения США, что нашло выражение в присвоении русским детям иностранных имен, типичных для афроамериканцев: Луи, Том, Джим.

Все это явно указывает на различия в культурах, с одной стороны, а с другой – является следствием этих различий. Иными словами, различия в формальной структуре имени и в процессах мышления, участвующих в создании этой структуры, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Подобные различия между знаком как выражением, которое обладает смыслом, или значением и знаком как признаком, указанием, оповещением и т.п., можно найти у Э. Гуссерля. Это различие разъясняется с помощью разделения указания и доказательства. Э. Гуссерль критически рассматривает различие между физической стороной выражения и совокупностью «психических переживаний», которые обычно считают смыслом, или значением выражения.

Для того чтобы верно провести различие между физической стороной выражения и его значением, Э. Гуссерль вводит различие между выражениями в коммуникативной функции, где они выполняют роль признаков-указаний, и выражениями в «одиночестве душевной жизни». Последние уже не выступают как признаки, но «сами-себя-из-себя-показывают», если это выразить на хайдеггеровском языке [Гуссерль, 2001 : 211]. Таким образом, можно сказать, что номинация именем собственным в корейском языке, имеющая номинативно-коммуникативный характер, и произвольная номинация именем собственным в западноевропейских языках вполне могут быть противопоставлены именно с этой точки зрения.

«Одинокая душевная жизнь» рассматривается Э. Гуссерлем как своего рода пространство, в котором осуществляется сам акт придания смысла. Затем вводится различие между физической стороной выражения и актом придания смысла, причем от последнего отде-

ляется акт, осуществляющий смысл. Соответственно последнему различию вводятся термины «интенция значения» и «осуществление значения». Осуществляться, или «заполняться», «пустая» интенция может, по Э. Гуссерлю, в рисунке, знаке, символе (сигнификативное осуществление) [Прехтль, 1999 : 8].

В формальном своем проявлении имя – это и есть «заполненная» интенция. Но процесс и результаты этого процесса будут различны в корейской и западноевропейских культурах. Так, в корейской культуре смыслом сначала наделяется имя и через него – человек. Западные культуры предполагают несколько иной вариант: здесь сначала человек наделяется именем, и лишь после этого имя приобретает какой-то смысл.

Различие «интенции значения» и «осуществления значения» играет важную роль в концепции Э. Гуссерля. Интенция значения – это по существу то искомое в переживании, которое позволяет мыслить чистое значение и, следовательно, логическое значение.

Хотя Э. Гуссерль постоянно употребляет термин «акт», все же обращение от актов придания значения к значениям как идеальным единствам и к подразумеваемой в этих актах предметности представляется несколько неожиданным. Причина этого в том, что термины «интенция значения» и «осуществление значения» создают видимость, что речь уже идет о значении, а не о «психических переживаниях», которые, по Э. Гуссерлю, функционируют в качестве «интенции значения» и «осуществления значения» и в этой функции принадлежат определенным языковым выражениям. Из этих «психических переживаний» «значения» еще нужно извлечь. Речь, однако, не идет о том, что значение (как идеальное единство) имеет интенцию, но о том, что в «психических переживаниях» имеет место интенция придать значение. Иначе говоря, присутствует намерение наделять значением определенное языковое выражение или определенный предмет. Термин «интенция значения» означает по существу: «интенция-как-придание-значения». То же самое относится и к термину «осуществление значения» – не значение должно осуществляться, но акт придания значения [Гуссерль, 2002 : 134].

Принимая концепцию Э. Гуссерля о том, что не само по себе значение может обладать

интенцией, но работа мысли имеет интенцию придать значение некоему объекту, можно говорить о применимости этой концепции к проблеме выбора имени собственного в различных культурах. Но, соглашаясь с Э. Гуссерлем в том, что в «психических переживаниях» имеет место интенция придать значение определенному языковому выражению или определенному предмету, можно также утверждать, что западная культура имеет интенцию наделять значением предмет, тогда как корейская культура стремится придать значение слову, этот предмет обозначающему.

Действительно, функция именования в западной культуре заключается в индивидуализации человека, выделении его из прочих людей и т.д. Какого-либо самостоятельного тайного смысла, который до сих пор многие пытаются обнаружить в западных именах, нет. Все условные значения этих имен – лишь перевод с тех языков, из которых они взяты. В любом случае, даже это условное значение чаще всего скрыто или потеряно, и выбор имени происходит безотносительно к этому значению. Не будучи соединенным со своим носителем, такое имя будет лишь одним из многих одинаковых – в какой-то мере здесь называется такая особенность западноевропейских имен, как воспроизводимость. Но как только имя присвоено кому-то, оно приобретает характерные черты, которые переходят на него с того, кто им обладает. Действительно, из двух женщин с одинаковым именем Елена одну можно назвать Ленчик, Ленуся, а другую – Ленка. И выбор варианта будет зависеть именно от индивидуальных черт характера, внешности и т.д. носительниц этого имени.

В корейской же традиции присвоения имени преследуются совершенно другие цели – наделять человека именем, которое бы помимо функции индивидуализации выполняло и своеобразную функцию описания или объяснения. Здесь предполагается как бы обратный процесс – переход качеств и признаков имени на того, кто им обладает, имя как будто обязывает человека быть таким, как он говорит о себе, представляясь.

Таким образом, можно утверждать, что культурные различия, о которых принято говорить как об оказывающих влияние на язык

и на процессы и особенности использования этого языка в коммуникации, накладывают отпечаток и на выбор стратегии и целей использования языка. Изучение любого языка и культуры, к которой он принадлежит, невозможно за рамками межкультурной коммуникации. Поэтому чрезвычайно важно понять и исследовать влияние интенций носителей различных языков на процесс межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. *Гуссерль, Э.* Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания [Текст] / Э. Гуссерль. – М. : Гнозис, 2001.
2. *Ландгребе, Л.* Интенциональность у Гуссерля и Brentano [Текст] / Л. Ландгребе // Логос. – 2002. – № 2. – С. 3 – 11.
3. *Прехтль, П.* Введение в феноменологию Э. Гуссерля [Текст] / П. Прехтль. – Томск : Водолей, 1999.
4. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – М. : ЛКИ, 2007.
5. *Суперанская, А.В.* О русских именах [Текст] / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – СПб. : Авалонь : Азбука-классика, 2008.
6. *Топорова, Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные [Текст] / Т.В. Топорова. – М. : Языки русской культуры, 1996.
7. *Филиппович, А.* Проблема смысла в работах Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна [Текст] / А. Филиппович // Философия и философы: Взгляд молодых. – Минск, 1997.